

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО И НЕОТСТУПНО **А.С. Пушкин в жизни и творчестве М.А. Волошина**

Владимир Купченко

(Санкт-Петербург)

В 1931 году, в день своих именин, 17 августа, поэт М.А. Волошин получил, среди других подарков, факсимильное издание рукописей А.С. Пушкина (1). Уже 20 августа, несмотря на летний "людоворот", Максимилиан Александрович пишет дарителю, молодому журналисту К.М. Добраницкому: "Среди подарков самым ценным был твой... Он для меня был самым радостным и милым сюрпризом и рождал во всех восторг и благоговение... Лучше ты придумать не мог"... (2). А летом 1932 года, отвечая на литературную анкету Е.Я. Архиппова, Волошин дважды поставил Пушкина на первое место в ряду других авторов: на вопрос о поэтах, которых он любит "исключительно и неотступно", и на вопрос, какие семь книг стихов он оставил бы "навсегда с собой"...(3).

I.

Как всякого русского, Пушкин сопровождал Волошина всю жизнь. Еще не умея читать, малышом, он уже знал наизусть "Полтавский бой", – который, при всяком удобном случае, декламировал, наряду с "Веткой Палестины" Лермонтова и "Коробейниками" Некрасова (4). С пяти лет начинается "самостоятельное плавание по книгам", и Пушкин, конечно, стоял на первом месте. В гимназии Волошин приобретает славу хорошего декламатора; для первого своего публичного выступления (31 января 1893 г.) он выбирает "Клеветникам России" ("Мне очень нравился ораторский склад стихотворения") (5). Сохранился текст гимназического сочинения Волошина "Изобретательность слова в стихах Пушкина" (1896 г.) (6).

С гимназей, однако, связан и период охлаждения Волошина к Пушкину. Свою роль в этом сыграли критические статьи Д.И. Писарева (отразившиеся в волошинском сочинении о "Памятнике", не дошедшем до нас) (7). Но и само преподавание в гимназии "убивало Пушкина". "Евгения Онегина" в глазах юноши "окончательно доконала" опера Чайковского (а Волошин стал в гимназии театралом). "Стихи, захватанные столькими пальцами и замусоленные столькими языками, повторявшими их, должны были быть сперва очень основательно забыты, чтобы после воскреснуть во всей своей нетленной красоте", – вспоминал он позднее (8). Счастье, что ему это удалось!

И вот, зная с детства "половину Пушкина" наизусть, Волошин всю жизнь снова и снова обращался к нему. "По вечерам читаю Пушкина (венгеровского)", – пишет поэт жене 13 февраля 1925 года (9). И во время своей последней болезни, летом 1932 года, он просил читать ему Пушкина (но Мария Степановна, по ее признанию, читала "так плохо", что он, при всей любви к ней, попросил: "Знаешь, не надо мучить Пушкина"...) (10).

В письмах и дневниках Волошина сохранилось немало его суждений об отдельных произведениях Пушкина. Не раз Максимилиан Александрович обращался мыслью к "Пророку", "примеряя" его, по-видимому, как и каждый поэт, к себе. 11 августа 1905 года он записывает в дневнике: "Как я понимаю, что это было любимым стихотворением Достоевского. Как он должен был читать его!" (11). Такое же отношение было у Волошина к "Поэту": 4 июля 1906 года, в письме к М.В. Сабашниковой, он относит к себе строчки (цитируемые с ошибкой): "И между всех ничтожных мира Быть может, всех ничтожней он." (12). В тот же период рефлексии, считая себя лишь зеркалом, бесстрастно отражающим мир, поэт горестно повторяет строчки из "Сказки о мертвой царевне": "Свойство зеркальце имело: Говорить оно умело"... (13 июля 1905 г.) (13). "Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы" Волошин вспоминает в статье "Аполлон и мышь" (Северные цветы. М., 1911).

В ответ на опасения А.М. Петровой, что он не справится с темой святого Серафима, Волошин 17 октября 1919 года писал ей:

"Конечно, это будет ни ортодоксально, ни церковно..., но, конечно, "Гавририады" не напишу. Во-первых, потому, что я недостаточно гениален, во-вторых, потому, что вовсе не собираюсь ни шутить, ни кощунствовать" (14). В строках из "Клеветникам России": "Славянские ль ручьи сольются в русском море, Оно ль иссякнет? Вот вопрос", – Волошин видел суть раздумий славянофилов "о государственных судьбах России". ("Предисловие к Протопопу Аввакуму", машинопись) (15).

Очень любил Волошин "Арион"; в августе 1924 года он читал его спутникам во время морской прогулки вдоль Карадага (16). Самым же любимым своим произведением он назвал (в анкете Архиппова) "Медный всадник" (17). Упоминание поэмы находим также в письме к Ю.Л. Оболенской от 25 января 1915 года; протестуя против переименования Петербурга, Волошин писал: "Что может быть уместно, как шутливая вольность пушкинского стиха, совершенно неприемлемо, как исторический факт" (18).

Сонет "Поэту" стал объектом истолкования в размышлениях Волошина о проблеме *понимания* поэтического творчества. В письме к Е. Ланну 20 декабря 1924 года он писал: "Поэты обычно не ведают, из какого материала они творят и что из их изысканного и богатого языка *дойдет* до понимания. (...) А как же тогда "Ты – царь: живи один...?" Акт понимания отнюдь не должен быть коллективен. Критерий "все" – глубоко произволен там, где достаточно одного. И этим одним может быть и сам автор: "Ты *сам* доволен ли, взыскательный художник?" (у Пушкина: "Ты им доволен ли..." – Вл.К.). Этот гермафродизм очень распространен именно в области лирики и сказывается в самоотборе" (19).

Подробный отзыв Волошин дал о "Борисе Годунове", в 1907 году поставленном на сцене Московского художественного театра (Русь, 1907, 11 декабря). "Борис Годунов" – произведение переходного периода поэта, считал Волошин. Стремление к народной простоте перемешано в нем с романтической декламацией и романтической же склонностью к Шекспиру. Но романтизм в нем явно преобладает над бытом и народностью. Пушкин еще не достиг в нем той молниеносной краткости, до которой немного спустя стал он сжимать свои драмы на двух-трех страницах. В "Борисе"

эта краткость и законченность заменены конвульсивной быстротой, внезапными и отрывными скачками, я бы сказал "синематографичностью" картин, переносящих нас от одного края эпохи к другому и озаряющих на мгновение лица и слова романтических героев в судороге страсти.

"Борис Годунов" несценичен. Прежде всего, это драматическая хроника, а не трагедия. Действие его идет, не нарастая. В самом Борисе, в его угрызениях совести нет ни трагической, ни исторической правды. Он – честолюбец кровавого века убийств и казней, первый министр Иоанна и зять Малюты; вероятно ли, чтобы он так страдал по убиенном Дмитрие и не нашел бы себе никакого оправдания в этом грехе молодости? Смерть Бориса у Пушкина лишена трагической неизбежности.

Но я понимаю и представляю, как Пушкин сам видел свою драму. Как *лирически* проносились перед ним буйные народные сцены, мятежные крики московской черни, честолюбивые, алчные, властные и умирные тени Самозванца, Марины, Бориса и Пимена...

В 1909 году, анализируя творчество молодых Н.П. Феофилактова, С.Ю. Судейкина и П.В. Кузнецова, (статья "Картинные выставки. "Салон". – Новая Русь, 5 февраля), Волошин делает вывод: "Искусство их основано на восторге, а не на вдохновении, употребляя терминологию Пушкина". В статье о Вилье де Лиль Адане "Апофеоз мечты и смерти" (Аполлон, 1912, № 3–4, с. 68) Волошин цитирует эту "маленькую, посвященную анализу понятий вдохновения и восторга, заметку" ("Возражение на статью Кюхельбекера в "Мнемозине"). Пушкинское "Восторг исключает спокойствие – необходимое условие прекрасного" он сопоставляет с бодлеровским "Je hais le mouvement qui déplace les lignes."¹

Близким было Волошину высказывание Пушкина о рифмах (из статьи "Путешествие из Москвы в Петербург"), внесенное в тетрадь выписок в 1907 году: "Радищев (у Пушкина: он – Вл. К.) первый у нас писал древними лирическими размерами. Стихи его

¹ Я ненавижу движение, смещающее линии (франц.)

лучше его прозы". "Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало. Одна тащит (у Пушкина: вызывает) другую. Пламень неминуемого тащит за собой камень. Из-за чувства выглядывает непременно искусство. Кому не надоели любовь и кровь, трудный и чудный, верный и лицемерный." (20) (у Пушкина еще: и проч. – Вл.К.). В 1911 году, давая отзыв о постановке "Горе от ума" в Малом театре (Русская художественная летопись, № 9, с.146), Волошин принимает "формулу Пушкина": "Грибоедов очень умен, но Чацкий глуп". (У Пушкина: "Чацкий совсем не умный человек, но Грибоедов очень умен". Из письма к Вяземскому от 28 января 1825 г.).

Новаторство Пушкина в области языка Волошин видел в следующем: "Слова, употребляемые без внутренней необходимости, слова, употребляемые неточно, утомляются и теряют на время свое магическое, заклинательное значение. Тогда они переходят в разряд неупотребляемых слов – это их сон, отдохновение, которое восстанавливает их магические силы. Так было с массой слов русского языка, от которых избавил нас Пушкин". (Заметки в тетради 1907 года.) (21). По мнению Волошина, Некрасов, "вводя в поэтический оборот новые слова и обороты народной речи", "продолжал дело Пушкина и Лермонтова". (Опыт переоценки художественного значения Некрасова и Алексея Толстого", рукопись, 1901 г.) (22). В наброске лекции "О непонимании" Волошин констатировал, что "Пушкин, Жуковский, Гоголь часто в свое время казались темны своим современникам", поясняя, что "только те, кто повторяют мысли, образы, формы и приемы предшествовавшего литературного периода, не нуждаются ни в каких ключах, ни в каких разъяснениях." (23). "Могучим кузнецом русского слова и русского стиха", наравне с Лермонтовым и Некрасовым, назвал поэт Пушкина...

Не один раз пытался Волошин дать определение творчеству Пушкина в целом. В раннем стихотворении "Камни Парижа" (1901 г.) он писал: "Оттенки прозрачны, как пушкинский стих, Как краски у Клода Лоррена"... В стихотворном портрете М.А. Новицкой (1912 г.) вздыхал: "О, пушкинская легкость!.." И относил Пушкина "к числу светлых, гармоничных, счастливых поэтов". ("Анри де Рень", рукопись) (24). Еще одно высказывание в письме к А.М.

Пешковскому (от 4 мая 1910 года): "В смысле передачи гораціанского духа мне кажется идеальным вольный пушкинский перевод "Кто из богов мне возвратил...". Стиль Пушкина – вот русский эквивалент стиля Горація." (25). Наконец, размышляя о том, что такое "интимный голос поэта", Волошин писал (в рецензии на сборник П. Верлена, в переводе Ф. Сологуба): "Он прихотлив; он не находится ни в какой зависимости с размерами таланта. Я слышу, например, звуки интимного голоса у Лермонтова, но не слышу их у Пушкина..." В этой же статье Волошин называет признаками Пушкинской школы "глубокую ясность и чистоту стиля" (Русь, 1907, 22 декабря).

Определяя гения, как того, "кто, явившись последним, одним дыханием обобщает и соединяет в своем "творении" все накопленные тысячами художников материалы – причем материалом ему служат и души, и формы, и реализации", Волошин считал, что Пушкин (так же, как Данте, Шекспир и Гете) являет целый мир, "который вместил в себя и поглотил тысячи индивидуальностей и работы", предшествовавшие ему ("О плагиате", рукопись) (26).

Хорошо зная творчество Пушкина, Волошин в зрелые годы все больше интересовался и его биографией. У Максимилиана Александровича были моменты, которые как бы роднили его с Пушкиным, делали ему поэта по-человечески близким. В детстве ему пришлось бывать под Москвой в сельце Захарьино, "с маленьким ветхим домом, где прошло младенчество Пушкина" (27). Из воспоминаний Е.Д. Францевой (увы, не слишком достоверных) Волошин, знал о Д.А. Кириенко-Волошине – "кишиневском молодом человеке, который водил Пушкина в цыганский табор" (28). Скорее всего, это был лишь однофамилец, но Волошин, плохо знавший свою генеалогию, надеялся, что это был его предок. И даже такая отдаленная – но живая! – связь радовала его...

Понятен интерес Волошина к литературе о Пушкине. В сентябре 1917 года он заказывает книгу П. Щеголева "Дуэль и смерть Пушкина" и издание "Пушкин и его современники" (29). Интересной считал поэт статью В. Ходасевича о петербургских повестях Пушкина "Уединенный домик на Васильевском" (письмо к М.С.

Цетлин от 3 сентября 1916 г.) (30). В его библиотеке также были "Дневники" А.Н. Вульф (М., 1929), "Записки..." А.О. Смирновой (М., 1929), "Этюды о Пушкине" Л.П. Гроссмана (М. – Пг., 1923), книга М.Л. Гофмана "Пушкин" (Пг., 1922), "Комментарий к "Евгению Онегину" Н.Л.Бродского (М.,1932), сборники "Время Пушкина" (1923), "Пушкин в Москве" (М., 1930), статьи В.Л. Комаровича "Достоевский и "Египетские ночи" Пушкина" (Пг., 1916), М.О. Гершензона "Тень Пушкина" (М., 1923), "Пушкин в жизни" В. Вересаева (М., 1926), М.Н. Розанова "Пушкин и Данте" (Л., 1928) и другие издания.

Отталкиваясь от полученных из этих книг сведений, Волошин по-своему – порой парадоксально – осмысливал факты биографии Пушкина. 15 января 1923 года он писал В.В. Вересаеву: "Очень интересуюсь Вашей работой о Пушкине. Меня очень интересует в судьбе Пушкина вопрос о благодетельности ссылок для писателей при царском режиме, и о том, как могло бы быть хорошо для Пушкина, для всей его судьбы и для творчества, если бы он был сослан вместе с декабристами. Это, во всяком случае, сохранило бы его жизнь по крайней мере до 60-х годов. Последнюю мысль мне когда-то дал Л.П. Гроссман..." (31). 21 ноября 1924 года Волошин писал Вересаеву же: "Последнее время я довольно много читал книг о Пушкине: частью мне прислал Гроссман, частью привез из Москвы. Мне нравится "Поэтическое хозяйство Пушкина" Вл. Ходасевича..." (32).

Благодаря Л.П. Гроссмана за присланные книги, Максимилиан Александрович 17 декабря того же года пишет ему: "Особенно ценны и интересны были для меня Ваши "Этюды о Пушкине" и статья о Бакуanine – Достоевском. (...) Книга Модзалевского о Керн занимательна, но уж очень не талантлива, а его непонимание французской речи – даже трогательно. Перевести игривые слова Пушкина: "Vous aviez un air si virginal..." и т.д. – "Не правда ли, что Вас что-то угнетало, как какой-нибудь крест...", вместо "на Вас было надето что-то вроде крестика?" Это крайне забавно. Боюсь, что во всем тоне его книжки есть эта монументальная и вдумчивая неуклюжесть (...) Выходит ли у Сабашникова книга Цявловского записей Бартенева о Пушкине, о которой Вы говорили ле-

том? Вопрос о романе Ник <олая> Павл <овича> с Нат <алией> Ник <олаевной> П <ушкиной> меня крайне заинтересовал и взволновал творчески..." (33). 4 декабря 1927 года Волошин сообщал Вересаеву: "Ваш "Пушкин в жизни" лежит у меня настольной книгой все лето и зиму" (34).

Вникая в самые мелкие детали жизни и творчества Пушкина, Волошин одновременно воспринимает его в достаточно широком литературном и временном контексте. Беседы с Л.П. Гроссманом в Одессе в 1919 году заставляют его задуматься над темой "Пушкин и Достоевский" (запись в "Творческой тетради" в апреле 1919 г.) (35). "Говорили о Петре, о да Винчи, о Пушкине", – записала 31 июня 1921 года, после визита Волошина, феоdosийка А.М. Петрова (36). "Была ли кем-нибудь разработана тема о взаимовлиянии Пушкина и Мериме? – запрашивал поэт Вересаева 2 апреля 1923 г. – Для истории развития принципа литературной сжатости это тема крайне важная" (37). "Мысль неустанно вертится в треугольнике: Пушкин, Достоевский, Э. По... И жадно вливает все в этой области", – сообщал Волошин 12 января 1931 г. М.С. Альтману (38).

В сонете Волошина "Петербург" (1915 г.) изображен Петербург пушкинский – "призрачный и вещий". Современники даже увидели в собеседнике графа Ж. де Местра, выведенного в этом стихотворении, самого Пушкина. 26 октября 1915 года Волошин разъяснял (в письме к А.М. Петровой): "С кем говорил де Местр? – Не с Пушкиным – Пушкин тогда еще в лицее был мальчишкой. Это один из собеседников "Soirées de St. Pétersbourg"² – безымянных. М.б. – "сенатор" (39).

Предметом специальных изысканий Волошина был пушкинский переезд из Феодосии в Гурзуф – мимо берегов Коктебеля. 15 декабря 1919 года поэт писал Л.П. Гроссману: "Очень мечтаю теперь повидаться с Вами на этих берегах, в виду которых несомненно было написано "Погасло дневное светило..." (40). М.С.

² "Санкт-Петербургские вечера" (франц.), сочинение Ж. де Местра (1821 г.), посланника Сардинии в России.

Волошин свидетельствует: "Максимилиан Александрович точно высчитал, что в 1820 году 18/VIII Пушкин выехал из Феодосии в 4 часа, и между 7–8 часами проезжал мимо Коктебеля и видел закат"... (запись 29 января 1937 г.) (41). Много позднее Б.В. Томашевский установил, что Пушкин действительно проплывал мимо Карадага в светлое время и обратил внимание на скалу Шайтан-Капу, ныне называемую "Золотые ворота" (Б. Томашевский. Пушкин, кн. I. М.–Л., 1956, с. 483). В конце 1926 года Волошин пишет двестише "Коктебельские берега":

Эти пределы священны уж тем, что однажды под вечер
Пушкин на них поглядел с корабля по дороге в Гурзуф...

В этих строчках, пожалуй, с наибольшей силой выражено благоговение, которое Максимилиан Александрович испытывал к Пушкину. М.С. Волошина еще рассказывала: "Ведь Макс выстаивал *часами* около тех мест, где бывал Пушкин... А мне раз приснилось, что Пушкин пришел к нам, и Макс говорит: "Счастливая! Расскажи, какой он?..." (моя запись в феврале 1975 г. – Вл.К.).

Вместе с тем, Волошин считал, что Пушкин не почувствовал своеобразия восточного Крыма (Киммерии) и увидел только "роскошный" южный берег. В статье "Культура, искусство, памятники Крыма" Волошин писал: "Отношение русских художников к Крыму было отношением туристов, просматривающих прославленные своей живописностью места. Этот тон был дан Пушкиным, и после него, в течение целого столетия поэты и живописцы видели в Крыму только:

Волшебный край – очей отрада.

И ничего более." (Крым. Путеводитель. М.–Л., ЗИФ, 1925, с. 141).

25 октября 1913 г. Волошин получил из Петербурга гипсовую копию посмертной маски Пушкина. "Я страшно рад, что она здесь", – в тот же день писал поэт художнице Ю.Л. Оболенской, доставшей ему эту реликвию. В ответ на запрос Юлии Леонидовны, хорошо ли дошел слепок, Волошин 10 ноября пишет: "Пушкин пришел в полной исправности. Я Вам не написал, вероятно, потому, что очень волновался. У него удивительное лицо.

Я его пропитал маслом, слегка сгустив тени во впадинах, и он стал поразителен..." Вскоре приходят еще две маски – Достоевского и Петра I. Сравнивая их, Волошин 25 ноября признавался Оболенской: "Для меня самое близкое – нестрашное лицо Достоевского, а самое жуткое – Пушкина. (...) Маска Пушкина самая элегантная, выточенная, но в ней под успокоением – бесконечное неутоленное страдание"...³ Снова и снова радуясь подарку, поэт итожит (21 декабря 1913 г.): "Петр, Достоевский, Пушкин – ведь это вся Россия. Их надо иметь перед собой." (42).

По-видимому, Волошин вообще переживал гибель Пушкина крайне глубоко, как незаживающую рану. Он считал "проницательным исследованием смысла судьбы" статью Вл. Соловьева о смерти Пушкина. "Здесь мы имеем дело с судом над жизнью человека, который был средоточием всего национального самосознания России", – писал поэт в статье "Памяти Н.Н. Сапунова" (Аполлон, 1914, № 4, с. 5). Указывая, что Пушкин, как всякий дуэлянт, сознательно взирал "в глаза возможной смерти", Волошин считал, что "уязвимое место" (то есть причина гибели) поэта – его "любовь, страсть, воля".

В своих стихах Волошин дважды обращался к смерти Пушкина, которая становилась для него символом трагической судьбы русского поэта вообще:

Темен жребий русского поэта:
 Неисповедимый рок ведет
 Пушкина под дуло пистолета,
 Достоевского – на эшафот... (На дне преисподней, 1922 г.)

Перечисляя жертвы царизма: декабристы, Грибоедов, Лермонтов, Достоевский – Волошин не забывает и Пушкина:

³ М.С. Волошина так передавала отзыв мужа об этой маске, – по-видимому, слышанный ею неоднократно: "Ко всем маскам у Макса было особое отношение... Пушкин вызывал у него жуткое чувство и страдание. "Пушкин смерти не принял, Пушкин под видом успокоения – одно страдание и протест". (М. Волошина. Дом поэта. Рукопись, с. 153).

Гроб Пушкина ссылают под конвоем
 На розвальнях в опальный монастырь... (поэма "Россия",
 1924 г.)

Помимо маски, постоянным зримым напоминанием о Пушкине был в "Доме поэта" и бюст Александра Сергеевича: гипсовый муляж работы И.П. Витали. (Первое его упоминание датировано 11 августа 1913 года; возможно, его привезла та же Ю.Л. Оболенская, тогда впервые приехавшая в Коктебель).

Необходимо упомянуть и о влиянии Пушкина на поэзию Волошина. Сам он признавал его в ответах на анкету Ф.Ф. Фидлера в сборнике "Первые литературные шаги" (М., 1911, с. 166). Онегинской строфой написано большое стихотворение Волошина "Письмо" (1905 г.), начиная которое, Волошин желает, чтобы его "четкий стих" был "как стих "Онегина" прозрачен". Парафразом "Ариона" стало стихотворение 1915 года "Другу". А "Видение Иезекииля" (1918 г.) по "силе и стремительности" образов современники уподобляли пушкинскому "Пророку" (письмо Волошина к М.С. Штромбергу от 30 мая 1919 г.) (43).

Можно найти немало и других параллелей в творчестве и воззрениях двух поэтов. Стихотворение Волошина "Обманите меня ... но совсем, навсегда..." (1911 г.) перекликается со строками Пушкина "Ах, обмануть меня не трудно!... Я сам обманываться рад!" ("Признание", 1826 г.). Грустная самоаттестация Волошина: "я – прохожий, Близкий всем, всему чужой..." ("Таиах", 1905 г.) напоминает нам признание "поэта" из "Разговора книгопродавца с поэтом": "Я всем чужой..." Вслед за Пушкиным ("В тревоге пестрой и бесплодной...", 1832 г.) Волошин пробовал писать стихи от лица женщины ("Портрет", 1903 г., "В эту ночь я буду лампадой...", 1914). Пушкинская оценка Петербурга ("Здесь город чопорный, унылый, Здесь речи – лед, сердца – гранит..." ("Ответ", 1830 г.) совпадает с волошинскими отзывами: "Как некие наркотические яды, Петербург дает острое напряжение творчества. Но этого надо бежать" (из письма 30 июня 1907 г.) (44); и: "главная реторта всероссийской психопатии" (17 декабря 1909 г.) (45). Вступая в область предположений, можно принять, что Волошину явно

была близка формула Пушкина "гений, парадоксов друг": "не будучи гением, Максимилиан Александрович поистине был другом парадоксов! Не раз приходилось Волошину слышать "суд глупца и смех толпы холодной" – и, без сомнения, пушкинский сонет "Поэту" (1830 г.) был среди особенно дорогих ему стихотворений...

II.

И все же совершенной неожиданностью является среди рукописей Волошина инсценировка "Гробовщика"! Она написана рукой Волошина, с его правкой; к сожалению, на отдельных листах: контекста для датировки нет. К пушкинскому тексту Волошин отнесся с большой бережностью (текст этот выделен курсивом) (46).

Действие первое

Большая комната с тремя окнами по задней стене на улицу. Сквозь окна видна площадь Никитских ворот и вдали будка будошника и он сам с *"секирой и в броне сермяжной"*, *"расхаживающий около нея"*. На противоположном доме вывеска: "Готлиб Шульц. Сапожное заведение". Против окон похоронные дроги с домашним скарбом: гробами и др. похоронными принадлежностями, которые выгружаются и вносятся в комнату.

В комнате уже расставлены: *кивот с образами, диван, кровать с пологом, шкаф с посудой, стол*. Между окон еще не убранные гроба у стен и *вывеска*, прислоненная к стене, с *изображением дородного Амура с опрокинутым факелом и с надписью: "Гробовщик Адриан Прохоров. Здесь продаются и обиваются гробы простые и крашеные, так же отдаются на прокат и починяются старые"*.

У [окна за самоваром сидит Адриан. Пьет с блюдечка. Мрачен. Смотрит в окно]. За окном и через комнату проносят вещи.

[Адриан] Гробовщик. Последние дроги, значит... Совсем пе-

реехали... *Четыре раза*. [Три] к Никитским воротам с *Басманной* пешком ходил. (Оглядывает комнату).

Дарья! Акулина! Дуры! Чего копаетесь? Вывеска-то здесь, что ли, стоять будет? Говорил, что первым делом ее на место повесить.

(Вывеску уносят. Приносят *траурные мантии, шляпы и факелы* и кладут на диван. Адриан молча встает, внимательно их разглядывает, щупает и снова садится за самовар).

Сузилось сукно-то. *И шляпы покоробились*. Это, как на прошлой неделе отставного бригадира хоронили – *у самой заставы – дождь проливной*. Иначе, как новые делать – никак невозможно. Совсем износились. А коли не дождь [проклятый], еще бы лет на пять хватило. Расход большой. Старуха! Что, самовар поспел? Подай его сюда к окну. (Самовар подают, Садит <ся>. Пьет.) Ежели эта самая *купчиха Трюхина* теперь не помрет, так и *убытка* покрыть нечем. И, скажите пожалуйста, целый год при смерти, а не помирает. А помрет – как бы *наследники* не обманули. Сюда с Разгуляя рука не близкая. Правда, прикащик Михайло Иваныч обещал нарочного прислать. Да не обманул бы. Сторгуются с *ближним подрядчиком*.

(Три франмассонских удара в дверь).

Кто там?

Входит сапожник Готлиб Шульц.

Готлиб Шульц. *Извините, любезный сосед. Извините, что я вам помешал...* Прочтя вывеску вашего заведения, я желал бы поскорее с Вами познакомиться. Я сапожник. Имя мое Готлиб Шульц. Я живу от вас через улицу, в этом домике, что напротив ваших окошек. Завтра праздную мою серебряную свадьбу, и прошу Вас и ваших дочек отобедать у меня по-приятельски.

Гробовщик. Покорнейше вас благодарим. Извольте садиться. Не угодно ли *выкушать чашку чаю?*

(Молчание. Пьют чай).

Каково торгует Ваша милость?

Сапожник. *Э-хе-хе... и так, и сяк... Пожаловаться не могу. Хоть, конечно, мой товар не то, что ваш. живой без сапог обой-*

дется, а мертвый без гроба не живет.

Гробовщик. Сушая правда. Однако же, если живому не на что купить сапог, то, не прогневайся, ходит он и босой, а нищий мертвец и даром берет себе гроб.

(Молчание. Пьют чай).

Сапожник. Хорошее место для торговли выбрать изволили. Заказчиков здесь, хе-хе... много будет. Дом ваш хорошо знаю. При мне строился. Хороший дом. Добросовестно выстроен.

Гробовщик. Давно к нему приглядывался. Ну да и стал он мне в копеечку. *Осмынадцать лет* на одном месте на Басманной торговали. После такого срока на новое место переезжать – все равно, что покойнику [на новое] кладбище менять.

Сапожник. Хе-хе-хе... Очень остроумно выражаетесь. Так, значит, завтра на наше фамильное празднество вас, вместе <с> вашими любезными девицами, ждем. И с другими соседями, кстати, познакомитесь.

(Занавес).

Второе действие.

Квартира Сапожника. Через окна видна и Никитская площадь, серая будка будошника, и напротив лавка гробовщика с вывеской.

Г-н и г-жа Шульц, их дочь Лотхен, гости – *немцы-ремесленники с женами и подмастерьями*.

Будошник чухонец Юрко – лет под 60.

Входит Гробовщик с дочерьми. Адриан – в русском кафтане, Акулина и Дарья в "европейском" платье – в желтых шляпах и красных башмаках.

Сапожник. Добро пожаловать, дорогой сосед. Позвольте вас познакомить с моими друзьями и Вашим новым соседом. А это, meine Freunde, герр Адриан Прохоров. Человек нам всем весьма необходимый, который каждому со временем, окажет маленькую последнюю услугу. Э-хе-хе-хе. А вот это, дорогой сосед, – это тоже

человек необходимый – unser lieber Schutzmann – Юрка-будошник. Если кто ночью в воскресенье домой из гостей возвращается, часто в нем *нужду имеет*. И Негг будошник ему гостеприимство в своей будке до утра оказывает. Хе-хе-хе. Рекомендую и Вам с ним дружбу иметь, ибо если в Ваших услугах каждый может нуждаться лишь однажды, то <в> его услугах вы можете нуждаться многократно. А теперь прошу всех за стол...

(Садятся. Едят. Г-н и г-жа Шульц и Лотхен, обедая со всеми вместе, *угощают и помогают* прислуживать *кухарке*. Пиво льет Юрка, *ест за четверых*, Адриан тоже. *Дочери чинятся*. Шум. Немецк <ий> разговор.)

Сапожник. Дорогие мои друзья, *внимание!*

(Откупоривает бутыл <ку>).

За здоровье моей дорогой Луизы!

(Все шумно пьют. Сапожник целует жену. *Открывает* вторую бутылку).

За здоровье любезных гостей моих!

Гости. (Пьют. Чокаются). Ваше здоровье, lieber Herr Schulz! *Благодарим* хозяина и хозяйку!... За здоровье der Stadt Moskwa! За здоровье der Stadt Heidelberg! За здоровье der Stadt Rotenbourg! Für unsere Schwaben! Здоровье Herr Müller! [Здоровье Freilein Löttheen!] (Поют немецкие песни). Für unser neuen Freund und Nachbar Herr Prochoroff!

Гробовщик (сильно навеселе). А я полагаю, что следует нам выпить за здоровье барышни Лотхен, что бы ей жениха хорошего, да поскорее.

Гости. Bravo Herr Прохоров. Устраивайтесь, поскорей, да позовите всех нас на новоселье.

Толстый Булошник. *За здоровье тех, на кого мы работаем* – unserer Kundleute!

(*Радостные* восклицания. Гости начинают друг другу *клянутся*: портной сапожнику, сапожник портному, булошник им обоим, все булошнику и т.д.)

Юрко (гробовщику). *Что же? пей, батюшка, за здоровье своих мертвецов!*

Гробовщик <обижено> (хмуро). За моих мертвецов пить, брат, нечего. Мои мертвецы все здоровы. Уряжены, облажены да положены собственными руками.

(Шум. Продолжают пить. Смеркается. Вечерний *благовест*. Встают *из-за стола*).

(Занавес).

Третье действие.

Комната в доме гробовщика. Сквозь три окна видна площадь Никитских ворот, залитая луной. *Толстый булешник и переплетчик* ведут пьяного *Юрку под руки в его будку*. Юрка упирается, поет песни. Его вталкивают и запирают. Все смолкает.

Гробовщик. (Пьяный и сердитый, сидит на постели. Горит свеча. Старуха стягивает с него сапоги). *Что же это, в самом деле, чем ремесло мое не честнее прочих? Разве гробовщик брат палачу? Чему смеются басурмане? Разве гробовщик гаер святочный? Хотелось было мне позвать их на новоселье – задать им пир горой, ин не бывать же тому! А созову я тех, на которых работаю: мертвецов православных.*

Старуха. *Что ты, батюшка? что ты это городишь? Перекрестись! Созывать мертвецов на новоселье! Экая страсть!*

Гробовщик. *Ей Богу, созову, и на завтрашний же день. Милости просим, мои благодетели, завтра вечером у меня попить; угощу, чем Бог послал.*

(Опрокидывается на кровать. Полог закрывается. *Храпит*. Бормочет во сне. Потом начинает говорить явственно).

Эй, кто там? Еще ночь на дворе, а стучат. Не *Трюхина* ли *купчиха* уж померла, дай-то Бог. *От прикащика* верховой? Так и есть... Вот тебе, брат, *гривенник на водку*... А я вслед за тобой. *Извозчик – на Разгуляй* – двугривенный. Ну ладно – четвертак. Только чтоб единым духом...

Ишь ведь <-> и полиция у ворот, и купцы – точно вороны тело мертвое почуяли. *Желтая покойница-то: как воск*. А к вечеру

тухнуть начнет.

Так что, Ваше степенство, и гроб, и свечи, и покров, и другие похоронные принадлежности к одиннадцати часам доставлены будут во всей исправности [не извольте беспокоиться]. Лишнего не берем.

О цене беспокоиться не извольте. Вот Вам крест, как перед Богом. По совести... Эх!... Извозчик, к Никитским воротам...

(Пауза. Бормотание).

Ну, все, значит, управлено. Ну и денек. Больше не надобно, братец. Теперь я и пешком дойду – ночь-то лунная. Чего? Доброй ночи, Юрко!

Ей! Кто там ко мне? Прямо в ворота и калитка отворена... Что бы это значило? Кому до меня нужда? Уж не вор ли забрался? Не ходят ли любовники к моим дурам, чего доброго? Юрку кликнуть, что ли?

(Во время последних слов лунный свет проникает в комнату, ложится полосами и в нем начинают выявляться зеленые лица гостей-покойников. Гробовщик откидывает полог кровати, идет к дверям, не замечая их. В дверях сталкивается с отставным бригадиром. Тот приподнимает треугольную шляпу).

Вы пожаловали ко мне... войдите ж, сделайте милость. (В сторону) Лицо что-то знакомо...

Бригадир (глухо). Не церемонься, батюшка... Принимай-ка званых гостей, да показывай дорогу.

(Входит. За ним гурьбой другие мертвецы. Гробовщик пятится, оглядывается. Вся комната полна мертвецами).

Гробовщик. Что за дьявольщина!

(Мертвые – дамы в чепцах и лентах и мужчины в мундирах и кафтана <х> окружают его, с поклонами и приветствиями, кроме одного бедняка, который, стыдясь своего рубища, стоит смиренно в углу).

Бригадир (выступая, говорит от имени всей компании). Видишь ли, Прохор, все мы поднялись на твое приглашение; остались дома только те, которым уже не в мочь, которые совсем развалились, да у кого остались одни кости без кожи. Но и тут один не

утерпел – так хотелось ему побывать у тебя...

Маленький скелет (в клоках светло-зеленого и красного сукна, в больших ботфортах). Ты не узнал меня, Прохоров? Помнишь ли отставного сержанта гвардии Петра Петровича Курилкина, того самого, которому в 1799 году ты продал первый свой гроб – и еще сосновый за дубовый?

(Раскрывает ему объятия. Гробовщик отталкивает его с криком. Скелет рассыпается. Между мертвецами ропот негодования. Они обступают гробовщика с бранью и угрозами. Тот, оглушенный криком, падает на кости и лишается чувств.

Между тем, луна исчезает. Темнеет. Потом быстро наступает рассвет.

В комнате пусто. Яркое солнце освещает постель. Старуха входит и начинает раздувать самовар. Гробовщик откидывает полог и смотрит дикими глазами, ерша волосы).

Старуха (подавая халат). Как ты заспался, батюшка, Адриан Прохорович. К тебе заходил сосед портной и здешний булошник забегал с объявлением, что нынче "частный" – именинник, да ты изволил почивать – мы не хотели тебя будить.

Гробовщик. А приходили ко мне от покойницы Трюхиной?
Старуха. Покойницы? Да разве она умерла?

Гроб<овщик>. Эка дура! Да не ты ли пособляла мне вчера улаживать ее похороны?

Стар<уха>. Что ты, батюшка, не с ума ли спятил, аль хмель еще у тя не прошел? Какие были вчера похороны? Ты целый день пировал у немца. Воротился пьян, завалился в постель, да и спал да сего часа, как уж к обедне отблагостили.

Гроб<овщик>. Ой ли?

Стар<уха>. Вестимо так.

Гроб<овщик>. Ну, коли так, давай скорее чаю, да позови дочерей.

(Занавес).

Сравнивая пушкинскую повесть с этой инсценировкой, нель-

зя не отметить, с каким тактом Волошин ввел несколько новых реплик, отсутствующих в оригинале. Так, очень в стиле гробовщика его острота о "переезде" покойника на новое кладбище. К тому же, эта фраза явно продолжает настойчивый каламбур повести о жизни покойников ("мертвый без гроба *не живет*", "нищий мертвец и даром *берет* себе гроб", из которых закономерно следует тост *за здоровье* мертвецов). Чтобы разрушить эту профессиональную привычку к смерти, переходящую в фамильярность, понадобилось столкновение с реально (пусть во сне) ожившими покойниками, и Волошин, без сомнения, чувствовал эту мысль Пушкина в его повести.

Но когда и для кого была сделана эта инсценировка?.. – Единственное упоминание о повести мы находим в письме Волошина к А.П. Остроумовой-Лебедевой от 16 ноября 1924 года. Высоко оценивая описание наводнения в Ленинграде, присланное ему художницей, он писал: "Очень хорош кладбищенский сторож со Смоленского. Он очень в стиле пушкинского "Гробовщика..." (47). Однако, есть указание, что инсценировка могла возникнуть в более ранний период. В конце 1921 года Волошин читал лекции в Народном университете и на Высших командных курсах в Феодосии. В его записной книжке сохранилось их расписание. Под 31 декабря помечено: "Мал. драмы Пушкина" (48). Возможно, что в это время силами слушателей и была осуществлена волошинская инсценировка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хранится в Доме-музее М.А. Волошина в Коктебеле (Крым).
2. ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 38.
3. ЦГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, ед. хр. 46.
4. Селезнева В. (Вяземская). Наше знакомство с Максом... (Воспоминания, 1934). Дом-музей Волошина, А. 308. См. также: Первые литературные шаги. Собр. Ф.Ф. Фидлер. М., 1911, с. 165.
5. Волошин М. Гимназия. (Воспоминания, 1932). – ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 446.
6. Там же, ед. хр. 170.

7. Волошин М. Гимназия... Там же, ед. хр. 446.
8. Волошин М. Опыт переоценки художественного значения Некрасова и Алексея Толстого (1902 г.) – Там же, ед. хр. 178, с. 22–23.
9. Там же, оп. 3, ед. хр. 18.
10. Волошин М. Дом поэта (Воспоминания, ок. 1934 г.). Дом-музей Волошина, А. 775.
11. Волошин М. История моей души. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 441, с. 138.
12. Там же, оп. 3, ед. хр. 107.
13. Там же.
14. Там же, ед. хр. 98.
15. Там же, оп. 1, ед. хр. 50.
16. Гроссман Л. Последний отдых Брюсова. – в кн.: Борьба за стиль. М., 1929, с. 293.
17. ЦГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, ед. хр. 46.
18. ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 83.
19. ЦГАЛИ, ф. 2210, оп. 1, ед. хр. 346.
20. ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 457.
21. Там же.
22. Там же, ед. хр. 178.
23. Там же, ед. хр. 204.
24. Там же, ед. хр. 327.
25. Там же, ед. хр. 99.
26. Там же, ед. хр. 385.
27. Волошин М. Воспоминания, 1932 г. – Там же, ед. хр. 445.
28. Волошин М. Автобиография. – ЦГАЛИ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 13. Статья Е. Францевой "А.С. Пушкин в Бессарабии" печаталась в журнала "Русское обозрение" в 1897 г., № 1–3.
29. Письмо к Р.С. Тумаркину от 15.IX. 1917. По копии, снятой в архиве М.С. Волошиной в Коктебеле в 1960-х гг.
30. Собрание А.Ф. Маркова (Москва). Опубликовано в журнале "Дружба народов" (1983, № 9).
31. Там же.
32. Там же.
33. Встречи с прошлым. Вып. 5. – М., 1984, с. 228–229. Упомянутая книга Б.Л. Модзалевского "Анна Петровна Керн" (Л., 1924 г.) сохранилась в библиотеке Волошина в Коктебеле.
34. Собрание А.Ф. Маркова.
35. ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 7.
36. Там же, оп. 6, ед. хр. 12.
37. Собрание А.Ф. Маркова.
38. Архив М.С. Альтмана (Ленинград).
39. ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 96.
40. С копии в архиве М.С. Волошиной.

41. Архив Дома-музея М.А. Волошина (Коктебель).
42. ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 82.
43. С копии в архиве М.С. Володиной.
44. Письмо к М.В. Сабашниковой. ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр 113.
45. Письмо к А.М. Петровой. – Там же, ед. хр. 95.
46. Там же, оп. 1, ед. хр. 403.
47. ГПБ, ф. 1015, ед. хр. 517.
48. ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 468.

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE ATTILA JÓZSEF NOMINATAE

**DISSERTATIONES
SLAVICAE**

**SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ**

SECTIO HISTORIAE LITTERARUM

XXI

***SZEGED
1995***